

**ТВОРЧЕСТВО А. Ф. ПИСЕМСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1850–1870-Х ГОДОВ: ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье рассматривается художественно-антропологическая концепция А. Ф. Писемского в аспекте характерологии. Проводится типологический анализ его творчества, которое атрибутируется как классически-реалистическое с беллетристической тенденцией.

Ключевые слова: художественная антропология, характер, персонализм.

Место Писемского в русском литературном процессе 1850–1870-х гг. весьма своеобразно. Воспринятый читающей аудиторией 1850-х гг. как писатель «верхнего» ряда литературы¹, Писемский был еще при жизни практически забыт. Это объясняется, во-первых, его либерально-консервативной общественной позицией, а во-вторых, характером его прозы, в которой «романическая», «персональная» стихия находится в неустойчивом равновесии с нравоописательной. В центре жанровой проблематики классического реалистического романа – личность, исследуемая в сложных отношениях с социально-исторической средой, способная к эволюции, психологически «текучая». Нравоописательные жанры тяготеют к воссозданию стабильной общественной среды и статичных персонажей². Функционально «личный» роман может принадлежать как к классике, так и к беллетристике (ярчайший пример – «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, с одной стороны, и «Тамарин» М. В. Авдеева – с другой); роман нравоописательный, как правило, помещается в беллетристический корпус литерату-

ры. Роман о личности и роман о «среде», таким образом, осмысляются в различных литературно-функциональных парадигмах, и случаи их совпадения в пределах единой креативной модели чрезвычайно редки. Отсюда парадоксальные определения Писемского как «классика второго ряда» (Л. Аннинский) или «непризнанного классика» (Ю. И. Минералов), явившего «верхний уровень беллетристики» (Л. В. Чернец). Если за исходный методологический регулятив принять координату нравоописания, то Писемский окажется в ряду беллетристов, а если координату личностного мира персонажа или, шире – самостоятельности творческого мышления – то, скорее, среди классиков³.

В. М. Маркович, кстати, указавший в числе многих литературоведов на затруднительность отнесения Писемского к определенному иерархическому / ценностному уровню литературы, находит главные различия классики и беллетристики в злободневности последней, замкнутости ее на «сиюминутном настоящем» и в ее тематической, характерологической и стилевой

¹ Историко-функциональный анализ показывает, что в 1850-е гг. канонизированными классиками считались Пушкин, Лермонтов и Гоголь, а «современными классиками» – Тургенев, Писемский, Гончаров, Островский и некоторые другие. К 1860-м гг. в ранге современных классиков удерживались четыре названных писателя и Н. Д. Хвощинская. См.: [Рейтблат, 1991. С. 70].

² О различии «романической» (классической) и нравоописательной жанровых концепций см., в частности: [Чернец, 1982. С. 99].

³ Ю. И. Минералов в авторском учебнике «История русской литературы XIX века (40–60-е гг.)» хронометрирует литературный процесс середины века следующим образом: «Творческие искания начала 1840-х годов», «Гоголевское направление», «Высокую классику» и «Литературу перелома века» (названия разделов). Писемский отнесен к «высокой классике», как обладающий «внутренней независимостью и масштабностью художественного мышления» [Минералов, 2003. С. 221]. И. Гурвич, объявивший вопрос о принадлежности Писемского к «классике второго ряда» или «лучшей беллетристике» открытым, оставляет его нерешенным [Гурвич, 1990. С. 119, 130–131].

шаблонизации [Маркович, 1991]. Различение творчески-индивидуального и нормативно-группового начал в качестве дивергенции «классической» и «беллетристической» ветвей национальной литературы рассматривают И. Гурвич [1990], Н. Л. Вершинина [1997], А. В. Чернов [1996].

Несомненно, ведущие персонажи Писемского обладают качествами национально-русскими и общечеловеческими и поэтому преодолевают социоисторическую заданность беллетристических персонажей, определяемых конкретно-историческими и условно-психологическими параметрами. Писемский от 1840 до 1870-х гг. прошел те же стадии типологизирования героев, что и классический реализм: «лишний человек», герой-идеолог, правдоискатель. Достаточно странно, что «маленький человек», самый массовый тип литературы 1840-х гг., у Писемского, декларировавшего себя в качестве преемника Гоголя⁴, почти не представлен и лишь трагически осмыслен в повести «Старческий грех» (1861 г.).

Писемский, равно как и другие крупные писатели 1850-х гг., углублял открытия Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Тип «лишнего человека» получает новую трактовку в творчестве Тургенева, Гончарова и Писемского. Мирозерцание тургеневского Рудина, воспитанного гегелевской школой мысли, апеллирует к возвышенно-гармоническому образу мира. «*Экстатическое восприятие философии*» (Д. Чижевский) поколения второй половины 1830–1840-х гг. трагически маркирует его ярчайшего представителя – Рудина, – не сумевшего примирить философствование с непредсказуемостью жизни. Тургенев исследовал идеологическое самосознание генерации «людей сороковых годов» не только на материале «исключительного» человека Рудина, но и на «среднем» социоантропологическом уровне (см.: [Маркович, 1982. С. 148]). Лаврецкий оказывается «лишним» не в силу своей личностной исключительности, а в силу социально-исторических обстоятельств. «*Трагическая установка духа*» (В. Зеньковский) Тургенева, субстанционально близкая онтологии Шопенгауэра, продуцирует трагедийную концепцию типа «лишнего человека»

в его творчестве, согласно которой человек подвержен неизбежным страданиям и зависим от внеличных факторов судьбы.

Гончаровского Обломова нельзя назвать собственно «лишним человеком». По наблюдению Н. Д. Старосельской, «Гончаров, быть может, в первый и на протяжении XIX столетия в последний раз изобразил трагедию русского сознания, не окрашенного байронической мрачностью, но тем не менее оказавшейся на обочине жизни – по вине собственной и по вине общества... Не имевший предшественников, тип Обломова не продолжился и в дальнейшем» [Старосельская, 1990. С. 37–38]. Характер Райского («Обрыв»), сохранивший в своей ментальной структуре «обломовский» след (по признанию романиста, «*Райский – это проснувшийся Обломов*»), все-таки свидетельствует в пользу «продолжения» типа Обломова в романистике Гончарова. Но Райский, справедливо полагает Н. Д. Старосельская, явился переходным звеном между «лишними людьми» и чеховскими интеллигентами [Там же. С. 100]. Значит, и характер Обломова может быть интерпретирован не как характер «лишнего человека», т. е. в культурно-историческом смысле, «человека сороковых годов» (см.: [Синякова, 2007. С. 82]), а как человек более обширной в историко-культурном плане формации – условно говоря, «романтик эпохи “реализма”», нереализованная в конкретном *социуме* (П. Рикёр) личность.

Писемский, в отличие от Тургенева и Гончарова, не только привносит бытовой компонент в структуру типа «лишнего человека», но и делает его определяющим в характерах демонического и созерцательного вариантов типологического инварианта. Его «романтики» дегероизируются и «забываются». Люди, обладающие «простым», естественным сознанием, напротив, рядом с ними «возвеличиваются» и одерживают нравственную победу над жалкими потугами «романтического» самоутверждения (Лиза Масурова – «Тюфяк», 1850; Вера Ензаева – «Богатый жених», 1851; Савелий Молотов – «Боярщина», 1858). Даже нелепый Степан Сальников («Богатый жених»), в котором «простота» доведена до комической гиперболы («простота хуже воровства»), выигрывает нравственный поединок с «загадочным» Шамиловым.

⁴ Статья «Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти. “Похождения Чичикова, или Мертвые души”». Часть вторая». См.: Отеч. зап. 1855. № 10.

«Демоническая» стихия определяет – в затухающей фазе культурного влияния романтизма – противоречивый характер Калиновича («Тысяча душ», 1858). Писемский исследует индивидуалистическое сознание человека постромантической эпохи, в котором искушения «мира сего» вытеснили прежнюю романтическую «мечту». Интенсивность переживания страдания от несовершенства мира осталась, но направлено оно было не на горнее, а на сущее, причем практически-ценное. Симбиоз идеи-страсти и «математического» расчета в психической организации героя-идеолога у Писемского не достигает метафизических глубин. Позже Достоевский исследует бездны безбожного сознания героев-идеологов Раскольникова и Ивана Карамазова и создаст роман-трагедию.

Писемский анализирует психосоциальные, а не духовно-метафизические факторы формирования идеологии человека, сменившего в культурно-историческом развитии тип «человека сороковых годов». Герой романов Писемского 1870-х гг. противополжен «обыкновенному человеку», ведущему типу в прозе писателя 1850–1860-х гг.; его неприятие «обыкновенных» обстоятельств жизни и судьбы и даже попытка бунта позволяют отнести его к необыкновенным натурам, но жизненный финал «ищущего героя» возвращает его в сферу частного и «обыкновенного» существования. Неизменность коренных законов бытия выражается у Писемского не в «великом спокойствии *“равнодушной” природы*», как у Тургенева, и не в циклическом законе *«четырёх времен года, то есть четырёх возрастов»*, которые человек должен прожить *«не пролив ни одной капли напрасно»* из *«сосуда жизни»*, как у Гончарова, – а в несомненном присутствии «родового» человека, общечеловеческого природного начала, в его художественной антропологии.

В 1860-е гг. Писемский вслед за Тургеневым обращается к проблеме русского нигилизма, но его «серьезные» нигилисты Валериан Сабакеев и Елена Базелейн («Взбаламученное море», 1863) не открывают в этом типе каких-либо новых черт. Тургеневский Базаров, с его трагическим мировосприятием, восходящим, как убедительно доказал А. И. Батюто, к философии Паскаля и в меньшей степени – Шопенгауэра [Батюто, 1972. С. 62–83], – не был пре-

взойден, в философско-психологической его цельности, ни Писемским, ни Лесковым, сотворившим символический образ Райнера («Некуда»). Оба литератора создали, по классификации А. Г. Цейтлина, «бытовую» разновидность «антинигилистического» романа⁵ и соответственно предложили иной уровень осмысления «нигилистической» проблематики. Нигилисты «по убеждению» не занимают значительного сюжетного пространства в романе Писемского – они «вытеснены» из романного центра фигурой «обыкновенного человека» Бакланова и в определенной степени, в том числе в противовес ему, романтизированы.

Писемский, вопреки широко распространенному мнению о «безыдеальности» его художественного мышления⁶, уже в 1850-е гг. обращается к характеру «положительного» человека, обладающего национально-русским менталитетом и прагматическим сознанием «честного труженика» (Савелий Молотов). Культурно и социально-психологически человек такого плана аккомодировался к условиям русской жизни после реформ 1861 г. Этот тип личности намечается в тургеневском Лаврецком, определяется в его же *«постепеновце снизу»* Соломине («Новь») и в гончаровском Тушине («Обрыв»). Писемский также воспринимает человека этой социально-психологической группы в качестве пореформенного типа и воссоздает его в «Людях сороковых годов» (1869) в характерах «низовых» деятелей реформ Вихрове, Замине, Живине и др. К ним присоединяется и Варегин – либерал, мировой посредник из «Взбаламученного моря».

⁵ См.: [Цейтлин, 1929. С. 47–57].

⁶ Это мнение было высказано уже первыми критиками Писемского (см.: [Синякова, 2006. С. 18–45]). На наш взгляд, наиболее удачное объяснение феномена «объективно-реалистической» художественности Писемского принадлежит Д. Святополк-Мирскому: «Писемский во многом отличался от своих современников. <...> Прежде всего он свободен от всякого идеализма, причем в обоих смыслах – как от идей и теорий, так и от оптимистического взгляда на человечество. В описаниях низости, мелочности и подлости он не имеет себе равных, и в этом он истинный наследник Гоголя. Но он гораздо объективнее Гоголя, и тоже в двух смыслах. Он писал жизнь такой, как видел, не подчиняя ее никакой предвзятой идее. С другой стороны, люди, населяющие его произведения, – не субъективные создания его воображения, основанные на экстраполяции личного опыта, как у Гоголя и многих реалистов, это в самом деле другие люди, увиденные и понятые через родовое чувство» [Святополк-Мирский, 2007. С. 318].

К характеру «положительного» человека примыкает характер «умного скептика», разработанный в романистике Писемского 1870-х гг. (Миклаков, «В водовороте»; Сверстов, «Масоны»). В романе Лескова «Некуда» «умный скептик» доктор Розанов остается сторонним наблюдателем кипящих вокруг него «нигилистических» страстей, весьма трезво оценивая и дистопию «Дома согласия», и возможности нигилистического отрицания вообще: *«некуда метаться. Россия идет своей дорогой, и никому не свернуть ее»*. Такой же вывод о «водовороте» не только русской жизни начала 1870-х гг., но и о хаотичности процесса жизни в целом делает Миклаков. Сверстов, масон-материалист, напротив, считает процесс жизни упорядоченным, потому что в человеке, как в природном существе, филогенез преобладает над онтогенезом и бессмысленно сопротивляться законам природы.

Персонажи, составляющие группу «ищущих» героев в романистике Писемского 1870-х гг. (князь Григоров, «В водовороте»; Бегушев, «Мещане»; капитан Зверев, «Масоны»), позволяют судить об актуализации этико-религиозного дискурса в общественном сознании того времени. Писемский в это десятилетие, так же, как и его великие современники Толстой и Достоевский, пытается исследовать модель личностной инволюции от социальной репрезентации к персоналистской самоидентификации (обретение полноты бытия в теоцентричном образе мира). Толстовский Левин вернулся к вере, когда постиг простоту и истину крестьянского мирозерцания («Анна Каренина»), Версиков Достоевского сорвался в бездну неверия («Подросток»), Вера («Обрыв» И. А. Гончарова) вернулась к Богу, Нежданов («Новь» И. С. Тургенева) от Него отпал. Все «ищущие» герои русской литературы 1870-х гг. так или иначе решали для себя вопрос о целесообразности бытия как проблему теодицеи. Центральные персонажи «поздних» романов Писемского не исключение. Однако утратившие веру князь Григоров и Бегушев не находят оправдания своему существованию в дисгармоничном мире, а капитан Зверев, признавшись в своей полной непригодности к духовному самостроению, оказался единственным, кто обрел истину — но не в философическом диалоге с миром, а в примирении с ним.

Типологически родственные героям классических русских реалистов персонажи Писемского свидетельствуют о его принадлежности — в аспекте характерологии — к классической традиции. Логика характера в них первична, авторское задание вторично, «бытовизм» контекста их не детерминирует, а «групповой» литературный стандарт, превращающий художественный текст в документально-статистический («протоколизм» по Виноградову), в архитектонике их характеров отсутствует. Даже жоржзандовские героини писателя (а «жоржзандовские» типы и сюжеты были продуктивны в русской беллетристике 1840–1850-х гг.) занимают пограничное между классикой и беллетристикой место. Одни из них статичны и разработаны средствами сентиментально-мелодраматической поэтики (Анна Павловна Задор-Мановская, «Боярщина»), другие психологически многомерны и мотивированы сложностью жизненно-реальных отношений (Вера Ензаева, «Богатый жених»; Лидия Ваньковская, «Виновата ли она?»).

Второстепенные персонажи Писемского — функции «среды», мотивированные бытом, поведенчески предсказуемые, социально-типичные, нравственно-безличностные. Наряду с вещным контекстом и хроникально изображенной социальной историей («Взбаламученное море», «Люди сороковых годов», «Мещане») персонажи второго плана беллетризуют повествование Писемского, однако в центре его помещена нравственно свободная личность, ответственная за свое положение / полагание в мире. Доминанта личности перенастраивает повествование: характерологически — с фактографии «типов» на исследование личности; сюжетно — с истории нравов или общества на историю личности; стилистически — с фиксирующей изобразительности на аналитическую повествовательность, телеологически — с морализаторства на иррационалистически-индетерминистскую трактовку сложности мира. Тип творчества, предполагающий воссоздание эволюционирующей личности в статической среде и не только сложные взаимоотношения этих планов в едином эстетическом пространстве, но также их параллельное и относительно автономное развертывание в повествовании, на наш взгляд, определяется как классически-реалистический с беллетристической тенденцией. Основной систем-

ный элемент такого типа творчества – концепция личности – принадлежит эстетике классического реализма.

Список литературы

Батюто А. И. Тургенев – романист. Л.: Наука, 1972. 389 с.

Вершинина Н. Л. Русская беллетристика 1830–1840-х годов: проблема жанра и стиля. Псков: Изд-во Псков. гос. пед. ун-та, 1997. 180 с.

Гурвич И. Русская беллетристика: эволюция, поэтика, функции // *Вопр. литературы*. 1990. № 5. С. 113–142.

Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1982. 208 с.

Маркович В. М. К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // *Классика и современность*. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991. С. 53–66.

Минералов Ю. И. История русской литературы XIX века (40–60-е гг.). М.: Высш. шк., 2003. 301 с.

Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М.: Изд-во Моск. пед. ин-та, 1991. 223 с.

Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Изд-во «Свиный и сыновья», 2007. 870 с.

Синякова Л. Н. Человек в прозе А. Ф. Писемского 1850-х гг.: концепция характера и принципы изображения. Новосибирск, 2006. 221 с.

Синякова Л. Н. Концепция человека в романах А. Ф. Писемского 1860–1870-х гг. Новосибирск, 2007. 253 с.

Старосельская Н. Д. Роман И. А. Гончарова «Обрыв». М.: Худож. лит., 1990. 223 с.

Цейтлин А. Г. Сюжетика антинигилистического романа // *Литература и марксизм. Журнал теории и истории литературы*. М., 1929. Кн. 2. С. 33–74.

Чернец Л. В. Литературные жанры. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1982. 192 с.

Чернов А. В. Русская беллетристика 20–40-х годов XIX века: вопросы генезиса, эстетики и поэтики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. 38 с.

Материал поступил в редколлегию 10.11.2008

L. N. Sinyakova

PISEMSSKY'S CREATIVE WORK IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 1850-1870-s IN THE CHARACTERS ASPECT

The article regards Pisemsky's literary anthropology in its characters aspect. The typologist analysis allows us to attribute the nature of Pisemsky's fiction as the classic one incorporating some middle-leveled belles letters tendency.

Keywords: the literary anthropology, the classic fiction characters, the personalism philosophy.